

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ПАРАДИГМА СТРАТЕГИИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СТРУКТУР В РОМАНЕ Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ»

Трубаева Елена Игоревна

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ассистент кафедры английского языка, г. Белгород
E-mail: trubaev80@mail.ru*

Роман Д. Брауна «Код да Винчи», являясь художественным произведением с вымышленным сюжетом и персонажами с одной стороны, с другой — представляет собой уникальный идеологически-манипулятивный текст, одна из значимых особенностей которого состоит в том, что сама структура данного текста способствует изменению основных аксиологических сценариев читателя при интериоризации фабульной динамики текста. Доказательством феноменального воздействия романа на «наивного читателя» служат многочисленные публикации в зарубежных и российских СМИ, опубликованные «по мотивам» романа научные книги, ставящие целью подтвердить (или опровергнуть) рассуждения его вымышленных героев, переиздания книг, имеющих отношение к теме жизни и родословной Иисуса Христа.

Несмотря на отсутствие доказательной базы, подгонку фактов под сюжетную линию, само преподнесение, структуризация информации в тексте романа обеспечивает доверие читателя тексту, поскольку последовательно реализуется манипулятивная коммуникативная стратегия, имеющая комплексный характер. Создание правдоподобности излагаемых теорий основано на нескольких постулируемых нами принципах.

Принцип авторитетности подразумевает придание модальности достоверности высказываниям персонажей романа и его повествователя. Во-первых, с самого начала романа повествователь ручается за точность описания исторических фактов: “All descriptions of art work, architecture, documents, and secret rituals in this novel are accurate” [3, с. 1]. Атмосферу наукообразности создают и многочисленные ссылки на известные культурные и исследо-

вательские центры, которым автор выражает чувство признательности в разделе «Благодарность».

Во-вторых, глашатаями теории родословной Иисуса Христа становятся персонажи, воплощающие знаменитых во всем художественном мире ученых: Роберта Лэнгдона, Жака Соньера и Ли Тибинга. Так, Р. Лэнгдон — профессор религиозной символики Гарвардского университета (подобной дисциплины не существует, но об этом может быть осведомлен только достаточно компетентный в вопросах дисциплин университета читатель), автор «бесчисленного количества книг» — “the author of numerous books” [3, с. 9], Жак Соньер — директор Лувра, специалист по иконографии женского божества, грандмастер тайного общества «приорат Сиона». Ли Тибинг — английский лорд, специалист по теологии, бывший историк Британского королевского общества, автор нескольких книг о Священном Граале. Р. Лэнгдон характеризует ученого следующим образом: “Believe me, Leigh Teabing knows more about the Priory of Sion and the Holy Grail than anyone on earth” [3, с. 237]. Как пишет Т. А. Воронцова, «в большинстве случаев избыточное обозначение профессии или должности адресата или адресанта является сигналом асимметричной коммуникации и средством реализации имплицитной коммуникативной установки адресанта на речевое доминирование» [1, с. 21].

Речь персонажей насыщена цитатами, в свою очередь добавляющими веса их суждениям. Так, Ли Тибинг приводит высказывания Наполеона, Леонардо да Винчи, профессора теологии Мартина Перси, цитирует выдержки из апокрифического Евангелия от Филиппа, а Р. Лэнгдон — из «Молота ведьм».

Действительно, приводимые в речи персонажей цитаты имеют место в «исторических отступлениях», но обладают «условным характером». Мы проверяли цитаты, которыми украшают речь герои романа, и проверка показала, что иногда они выдуманы, как, например, в случае с «Молотом ведьм» (“Malleus Maleficarum — or The Witches Hammer — indoctrinated the world to “the danger of free thinking women” [3, с. 134]), где не написано об опасности свободомыслящих женщин. В других случаях приводимые цитаты объясняются главной героине романа Софи Неве (а вместе с ней — и читателю), работая на обоснование того или иного положения теории родословной Христа.

Помимо цитации, речь персонажей-ученых изобилует вводными словами и словосочетаниями, сообщающими модальность достоверности их высказываниям: I assure you, I would assume,

I'm fairly certain, As you can see, In fact, actually, obviously, originally, certainly и др. На любой вопрос они легко дают ответы (offer answers), подправляют, проясняют, объясняют неправильно понятые «факты» (correct, clarify, explain).

Принцип избранный доступности подчеркивается не только прямыми указаниями на их элитарность (“Langdon decided not to share the pentacle’s most astonishing property”; “Nowadays, few people realized that the four-year schedule of modern Olympics still followed the half-cycles of Venus. Even fewer people knew that the five-pointed star had almost become the official Olympic seal...”). Определенную роль здесь играет и богатая метафорика, придающая мелиоративную окраску миру «своих», причастных к знаниям, и сообщающая пейоративную оценку миру «чужих» — невежд, не желающих открывать глаза, или же врагов, старающихся уничтожить доказательства истинности элитных знаний: «Enlightened soul» [3, с. 249]; “Grail virgin” [3, с. 249]; “The Church launched a smear campaign” [3, с. 41] и т. д.

Принцип преподнесения информации в монологической форме предполагает ведение разговора одним лицом, что оставляет «слушателя» — в данном случае Софи Неве — в позиции пассивно обучаемого. Лекционный стиль изложения мыслей Ли Тибингом и Р. Лэнгдоном заставляет согласиться с ними подчас только из-за стиля подачи материала. Зарубежные лингвисты считают, что монологические вкрапления в речь свидетельствуют о реализации манипулятивной стратегии: “A person employing monologues seeks to command, coerce, manipulate, conquer, dazzle, deceive, or exploit” [4, с. 69]. «Если человек использует монолог, его цель — командовать, заставлять, манипулировать, завоевывать, поражать, обманывать или эксплуатировать».

Монологические отступления Ли Тибинга и Р. Лэнгдона имеют сходную структуру. Рассмотрим это подробнее.

1) Иницирующее высказывание, как правило, представляет собой номинативную конструкцию, задающую топик микромонологу, например: «The Holy Grail,» Tebing said, his voice sermonic [3, с. 249]; “Transmogrification,” Langdon said [3, с. 252].

2) Последующие высказывания включают ссылки на общеизвестность некоторых фактов, что заставляет читателя отождествлять себя с большинством, знакомым с предоставляемой далее информацией, а значит заранее соглашаться с ней “You must be aware that Leonardo was one of the keepers of the secret of the Holy Grail. And he hid clues in his art» [3, с. 249]; “As a descendant of the lines of King Solomon and King David, Jesus possessed a rightful claim to the throne of the King

of the Jews” [3, с. 251]. Неизвестное подано как известное, таким образом, налицо манипуляция читателем посредством грамматической конструкции.

3) Собственные оценки преподносятся как непреложные истины, объективированные в виде декларативных высказываний: “Nothing in Christianity is original” [3, с. 252]; “The vast majority of educated Christians know the history of their faith” [3, с. 253]; “Almost everything our fathers taught us about Christ is false” [3, с. 255].

4) Подача новой информации нередко сопровождается инверсией: логическое выделение значимых лексем позволяет лучше привлечь внимание к той или иной части высказывания: “So astonished were the ancients to observe this phenomenon, that Venus and her pentacle became symbols of perfection, beauty, and the cyclic qualities of sexual love” [3, с. 40].

5) Следует отметить, что высказывания Ли Тибинга отличаются большей степенью экспрессивности, чем у Р. Лэнгдона.

Во-первых, речь Тибинга насыщена метафорами:

— Many scholars claim that the early Church literally **stole Jesus from His original followers, hijacking His human message, shrouding it in an impenetrable cloak of divinity**, and using it to expand their own power [3, с. 253].

— An **enlightened soul** [3, с. 249].

— The Bible **did not fall magically from the clouds** [3, с. 250].

Во-вторых, в речи Тибинга легко отметить гиперболизацию, которая создается превосходной степенью сравнения прилагательных, экспрессивными адъективами, объединенными семой «чрезмерность»:

— Jesus Christ was a historical figure of **staggering** influence, perhaps **the most** enigmatic and inspirational leader the world has ever seen [3, с. 251].

Иногда Ли Тибинг приводит парадоксы: Nobody is more indoctrinated than the indoctrinator [3, с. 255]; Men go to far greater lengths to avoid what they fear than to obtain what they desire [3, с. 288]; It is so late, my dear, it's early [3, с. 246].

Речь Р. Лэнгдона не насыщена образно-выразительными средствами, отличаясь академичностью и простотой. Ученый часто поясняет метафоры Тибинга, пытаясь растолковать Софи его парадоксы.

7) В пределах одного монологического отрывка в целях эмоционально-художественного воздействия на адресата текста нередко применяется прием градации, усиления оттенков значения, «сущность которого заключается в том, что каждое последующее

высказывание (в эмоциональном отношении) важнее, значительнее, существеннее (в логическом плане), больше (в количественном отношении), чем предыдущее» [2, с. 235]: “You are an historian, Robert. You are holding the key to two thousand years of history — the lost key to the Sangreal. You can feel the souls of all the knights burned at the stake to protect her secret. Would you have them die in vain? No, you will vindicate them. You will join the ranks of the great men you admire — Da Vinci, Botticelli, Newton — each of whom would have been honored to be in your shoes right now” [3, с. 441–442].

8) Именно в речи Р. Лэнгдона и Ли Тибинга мы получаем истолкования многочисленных символов, называемых в романе. Убедительность трактовки создается не только с помощью специфического актуального членения предложения, но и при помощи ведения сократического диалога. В романе приведено подробное описание картины, с графическим изображением символа чаши:

«It's a matter of historical record». Teabing said, «and Da Vinci was certainly aware of that fact. The Last Supper practically shouts at the viewer that Jesus and Magdalene were a pair.»

«Notice that Jesus and Magdalene are clothed as mirror images of one another.» Teabing pointed to the two individuals in the center of the fresco.

Sophie was mesmerized. Sure enough, their clothes were inverse colors. Jesus wore a red robe and blue cloak; Mary Magdalene wore a blue robe and red cloak. Yin and yang [3, с. 264—265].

Упомянутое зеркальное отражение одежд Иисуса Христа и Марии Магдалины (в общепринятой трактовке — апостола Иоанна), символов, которые Софи видит в тексте, как правило, заставит читателя взглянуть на картину, чтобы удостовериться в правдивости описания. Подтверждение новой, только что полученной информации может повлиять на обновление слотов концептов, входящих в идеальный фрейм читателя. Таким образом, могут быть перестроены сами основы мировоззрения индивида.

Список литературы:

1. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 — Челябинск, 2006. 42 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
3. Brown D. The Da Vinci Code. New York : Anchor Books, 2003. 489 p.
4. Johannesen, Richard L. Ethics in Human Communication. Prospect Heights, Ill. : Waveland Press, 1996. 397 p.